

Валентин Давыдов

РАЗУМ И ЭКЗИСТЕНЦИЯ

История как «познанное прошлое» человечества не есть, по К. Ясперсу, история как таковая, а лишь «писаная» история, т.е. лишь тот период существования человечества, который отмечен какими-либо письменными, графическими источниками. Или – шире – источниками, представляющими вообще проявления культуры. Уже в этом тезисе подразумевается разумность истории. А разумность предполагает и освоение индивидом как своего собственного бытия, так и бытия общественного. Общенье людей на уровне разума, духа определяется философom как «целостность... мышления, деятельности, чувства» [1]. Эта целостность и создает духовно-психологическое единение людей, являясь базой их истинной коммуникации как подлинной, а не внешне принудительной, основой формирования некой их общности.

Определение К. Ясперсом экзистенции как **свободы** – сущностная дефиниция главного понятия философии экзистенциализма. И в то же время свобода как экзистенция не есть не ограниченное ничем своеволие личности, а именно существование в обрамлении, в связанности разумом. Но не в том смысле, что разум, дух всецело определяет возможности бытийственного поведения экзистирующей личности. Скорее, напротив, экзистенциальное бытийствование последней так соотносится с воздействием на него (бытийствование) разумного начала, что повседневное поведение определяется рациональным началом ни в коей мере не в большей степени, чем началом экзистенциальным. Именно в этом смысле свобода, по К. Ясперсу, не есть «категорический императив», подчиняющий все поведение человека разумно-рациональным общественным требованиям на уровне «сознания вообще», а некий **принцип**, отличающий именно экзистенциальную личность, которому она не может по своим «самостным» установкам не следовать, а то и просто рабски подчиняться без оглядки «на мнения окружающих». Я свободен становиться каждый раз тем или иным, и это зависит только от моего собственного выбора. Я ответственен не перед кем-то, а только перед самим собой. И ответственен постольку, поскольку я выбрал, но я свободен от ответственности, поскольку я свободен в своем выборе.

Экзистенциальное освоение мира есть включение его в свое «существование», «присвоение». Поскольку бытие не есть сущее, оно не может быть познано традиционными, рациональными методами. Истиной сущего является его бытие. Поскольку «Я» есть сущее, то цель познания состоит в познании смысла бытия через себя как сущее. Поэтому для меня как сущего истиной является свое собственное бытие. Такое бытие может открываться в бесконечной полноте и интенсивности мгновенного переживания, т.е. в экзистенции. Поэтому экзистенциалисты считают научное мышление как безличное мышление, а личность как таковая может сохраняться лишь **вопреки** научному мышлению. То есть речь идет об экзистирующей личности, которая вообще оперирует (и в этом смысле не «мыслит») не традиционными, общепризнанными понятиями и способами, а своими собственными, которые обществу, может, и не так важны, но ей самой онтологически присущи и необходимы. Попросту без них она не существует как некая «отдельность». Не разум важен такой личности, а именно собственная, самостоятельная интенция как возможность обращения к самому себе, к своей внутренней жизни. При этом нелишне различать разум, разумность, рассудочность как объективно прагматичное, налично-бытийственное и разум как субъективно-духовное, разумно-психологическое.

Поэтому прокламируемую немецким философом неразрывность разума и экзистенции следует понимать, видимо, не как их механистическое взаимодействие, но как такое взаимовлияние того и другого начала, в рамках которого именно в экзистенциальном бытийствовании личности их соотношение может – и должно – быть в зависимости от ситуации **различным**. Поскольку ситуация есть адекватный (в смысле методологически верный) способ анализа не только собственного экзистенциального бытия, но и пребывающих в «эмпирически наличном бытии» окружающих и во многом создающих посредством тех или иных собственных действий конкретную для анализирующего ее ситуацию.

Рассудочно действующий исповедует принцип утилитаризма и не более того. Он в силу то ли генетически определенной внутренней установки, то ли из-за поработивших его внешних обстоятельств, которым он не может противиться, то ли по причине собственной духовной лености фактически полностью подчинен «общественному бытию», он «общественное животное». Экзистирующая же личность, в силу определенной уже этим

собственной «отдельности», «отделенности» от других, стремится преодолеть эту «отделенность» посредством налаживания экзистенциальной коммуникации, рассматривая ее именно в качестве выхода за пределы собственного «Я», «выброса» себя к «другому экзистирующему», преодоления своего одиночества в толпе утилитаристов.

И ярче всего это проявляется именно в столь тонко анализируемых К. Ясперсом пограничных ситуациях.

Сам автор в философской автобиографии («*Werk und Wirkung*»), говоря о проблеме коммуникации, замечает, что все три тома его «*Philosophic*» и есть раскрытие одного из двух «способов» коммуникации (тогда как другой раскрывается в «*Von der Wahrheit*»). Понятия «коммуникация» и «экзистенция» в философии К. Ясперса однопорядковые, в некотором смысле это даже одно и то же; поэтому неразрывно с ними связано и понятие пограничной ситуации (прыжок в экзистенцию в пограничной ситуации, разрыв коммуникации в пограничной ситуации смерти).

Рефлективное осмысление любой ситуации, полагает К. Ясперс, открывает возможность ее изменения в том смысле, что я могу, в целях достижения какого-то результата, создать на основе данной ситуации такую, из которой может быть достигнут искомый результат. И далее. «Я подчинен связям ситуации, чьи правила только и делают научное исследование сознательным; оно никогда не станет вполне сознательным, т.к. осознание ее изменяет ситуацию, а тем самым и каждое правило, которое вступает как новый фактор формирования самой ситуации» [2].

Пограничная ситуация, по К. Ясперсу, – как стена, на которую мы наталкиваемся и о которую разбиваемся. Она не может нами изменяться, а может только подвести нас к осознанию, что ее нельзя объяснить. Она дана нам с самим наличным бытием, но как граница. Граница эта означает, что имеется нечто другое, но вместе с тем это другое не дано сознанию в наличном бытии. «Пограничная ситуация не дана вообще для сознания, т.к. сознание, как знающее и направленно действующее берет ее только объективно или оно только удаляется, игнорирует и забывает ее, оно остается внутри границ и способно приближаться к ее происхождению только вопрошая» [3] (что же это такое?). То есть пограничная ситуация а priori вне разума, она может быть «освоена» только посредством пребывания в экзистенции. Пребывание же только лишь в наличном бытии как сознании, не постигающем глубины и драмы пограничной ситуации, сводится лишь к «тягостному прозябанию в беспомощности».

На пограничную ситуацию мы поэтому реагируем не стремясь ее преодолеть, а «совершенно другой активностью – становлением возможной экзистенции» [4]. Только вступая в пограничную ситуацию с открытыми глазами, мы становимся самими собою. И только тогда понимаем, осознаем, что наличное бытие – всего лишь нечто чуждое мне как личности, всего лишь кажущаяся ценность, всего лишь нечто незначимое, всего лишь некий фантом, виртуальная реальность. На границе пограничной ситуации мы еще это можем понять, но углубившись в нее, саму эту ситуацию мы уже понять не можем. Мы можем ее лишь ощущать, пребывая в позиции, состоянии осмысления собственного субстанциального одиночества в соответствии со своей духовно-психологической потенцией.

Полагая, что «вхождение» в пограничную ситуацию вообще дано далеко не каждому, К. Ясперс описывает и некие возможные его пути, этапы продвижения к экзистенции. После первого «скачка» в экзистенцию, который отмечен еще неким его осмысленным анализом, когда «я все же остался наличным бытием», когда я «как знающий» могу выйти из нее, может при определенных условиях наступить второй прыжок – когда я уже «как знающий» не могу выйти из нее, т.е. я уже «незнающий», я уже не господин ситуации, тогда «я могу схватить ее только экзистенциально» [5].

Более того, само мысленное прояснение пограничной ситуации как проясняющее созерцание, по К. Ясперсу, еще не есть «экзистенциальное осуществление». Если мы объясняем пограничную ситуацию, то это еще только готовность к переходу. Сам же окончательный скачок в экзистенцию философ связывает со «схватыванием пограничной ситуации наличного бытия как бесконечно заинтересованный, как экзистенция». «Это есть третий и собственный скачок, в котором возможная экзистенция становится действительной» [6]. В результате такого скачка жизнь личности уже другая – как ее бытие, поскольку она есть уже только здесь. «Я сознаю себя самого, как порожденного самим собой», – подводит итог К. Ясперс [7].

Только в моменты экзистирования и проявляется «открытость» бытия как возможность, как «понимание» возможного. «Открытость» бытия есть его незавершенность, ущербность, проблема – объект интуитивного творчества; атрибутом такого бытия выступает не пространство (как форма внешнего), а время (как форма

внутреннего), такое бытие оказывается личным – **существованием**.

Одной из пограничных ситуаций (правда, особого рода) у К. Ясперса (но и не только у него) является бытие *Dasein* в ситуации вообще. «В пограничной ситуации есть *беспокойство* о том, что еще предстоит, что я сам решу, в ней есть свобода перебирать данное благодаря тому, что я делаю это сам, как захочется» [8]. Эта ситуация присуща многим.

«Подлинное» человеческое существование, существование человека как личности и его неподлинное существование в обществе (диктатура «Ман» М. Хайдеггера, «Он» Ж.-П. Сартра) выступают как две сосуществующие сферы бытия человека. Отсюда – разорванность сознания, «беспокойство» К. Ясперса, «тревога» Ж.-П. Сартра, «забота» М. Хайдеггера.

Эти положения экзистенциалистов не теряют, а, напротив, приобретают особую актуальность в условиях современной глобализации, когда устоявшиеся принципы меняются на глазах, когда мир становится «на голову» как в плане попыток разрешения новых проблем, так и в отношении объективного ограничения возможностей развития человека в качестве полноценной личности. Но лишь в беспокойстве, в тревоге человек и познает свою свободу; тревога – это и есть способ бытия свободы. Тревожиться может лишь человек, осознающий свою уникальность (но и ущербность). Тревога – свидетельство того, что человек остается «подлинным», что он «у себя».

Причина беспокойства, тревоги – бытие-в-мире как таковое, причина неопределенна. Угрожающего нет вроде бы нигде, но это нигде лежит в самом бытии, оно не исходит откуда-то конкретно, оно – уже «здесь». «Брошенный в мир» подчинен бездейственному миру вещей, как разуму, так и безумию мира. Тревога приводит нас к осознанию того, что повседневность жизни старается скрыть от нас: наше существование в мире конечно. То есть чувство тревоги вырывает нас из-под власти мира иллюзий, раскрывая нам нашу свободу одиночества и наполняя нас безбрежным отчаянием существования «покинутых». Ибо «любое дуновение стихии может погасить луч человеческой жизни». Это – не пессимизм; это – осознание того, что разум большинства людей, их мышление не поспевают за бурным развитием мира, общества, его адекватным осмыслением. Экзистенциализм понял это раньше других философских течений и попытался решить новые проблемы присущим только ему способом. «Внутренняя душевная жизнь индивида принад-

лежит ему одному, и никакая история не может коснуться этой области» [9], – в этом одно из основных положений К. Ясперса. И в этом, в развитии «душевной жизни индивида», – залог прогресса человечества, несмотря на все безумие современного мира.

-
1. *Jaspers K.* Vernunft und Existenz. Groningen, 1935. S. 33.
 2. *Jaspers K.* Philosophic. Band II. S. 202.
 3. *Ididem.*
 4. *Ididem.* S.203.
 5. *Ididem.* S.204.
 6. *Ididem.* S.205.
 7. *Ididem.*
 8. *Ididem.* S. 209.
 9. *Jaspers K.* Philosophic. Band I. S. 524.
-

